ШОК БУДУЩЕГО

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ШКОЛЕ, ПРОВЕДЕННОЙ КЛУБОМ "СУТЬ ВРЕМЕНИ" В ХВАЛЫНСКЕ

У СЛОВА "ШОК" есть устойчивые негативные ассоциации. Они связаны и с пресловутой "шоковой терапией", и с многочисленными объявлениями, в которых потребителю сулят шок от разного рода бульварных сенсаций. Но кроме подобных "шоков" есть и другие.

Шоком будущего называется стратегическая неожиданность, вдруг выныривающая из пучины небытия. Стратегическая новизна, связанная с выходом на историческую сцену нового коллективного героя. Именно про такой шок Блок писал: "Юность — это возмездие".

Имеем ли мы право сегодня говорить о чём-то подобном? Не знаю. Боюсь ошибиться и вселить напрасные надежды и опасения. Но есть определённые основания для того, чтобы обсуждать эту тему. Лично у меня они связаны с нижеследующим.

После завершения передачи "Суд времени", полгода шедшей на Пятом канале, у меня возникло какое-то невнятное, но достаточно острое чувство ответственности. Перед кем — не знаю. Конечно же, перед теми, кто остро отреагировал на передачу, поддержав меня. Но и не только.

Повинуясь этому чувству, я начал вести еженедельную телевизионную интернет-передачу "Суть времени". Назвав её "антишоу" и строго выполнив диктуемое жанром самозадание. Я стал обсуждать Фромма и Вебера, метафизику и историософию. Помогавшие мне специалисты, знающие интернет-аудиторию, утверждали, что это заинтересует несколько сот людей. На деле резонанс оказался качественно иным. Потому что, кроме десятков тысяч еженедельных скачиваний каждой новой "серии", "Суть времени" непрерывно копируют, распространяют самым разным образом. В общем, в этом массовом отклике на сознательно усложнённую передачу было что-то новое.

Столь же новым оказался зритель, пришедший в зал нашего театра на волне "Сути времени". Подчёркиваю, не "Суда времени", а именно "Сути". Появилась какая-то новая молодёжь, заполнившая собой зал до отказа и стоящая в фойе аж до пяти утра, задавая мне вполне нетривиальные вопросы.

В политическом воздухе запахло новизной. Но не очередной перестройкой, о которой я начал говорить ещё в 2008 году. Я помню ту первую перестройку с её достаточно простым, хотя и очень энергичным посылом. Теперь же на политическую сцену вышел коллективный герой, ждущий сложности, атакующий сложность, стремящийся преодолеть сложность, ликвидировать разрыв между собой и этой сложностью.

В ходе бесед после спектакля я уловил ещё одну черту этого коллективного героя.

Молодёжь, хмуро и отводя глаза в сторону, высказывается в том смысле, что с папами и мамами говорить не о чем, потому что они не сумели отстоять СССР. А вот с дедушками и бабушками говорить интересно и не бессмысленно.

Не доверяя этим частным впечатлениям, я решил, тем не менее, сделать следующий шаг. И на основе интернет-передачи "Суть времени" мы создали виртуальный клуб с таким же названием. В нём зарегистрировалось на сегодняшний день уже более десяти тысяч человек. Численность клуба продолжает расти, причем, достаточно быстро.

Потом клуб "Суть времени" начал работать. Возник сайт клуба, была простроена структура клуба, и приходящим предложили разные направления деятельности. Ведь нельзя собрать людей под непонятную цель. Начались конкретные работы. На сегодняшний день члены клуба добровольно и при этом очень профессионально провели уже два крупнейших по охвату социологических исследования, давших достаточно сенсационные результаты. Подробно об этом говорить не буду, потому что желающие могут зайти на сайт www.eot.su и ознакомиться с нашими исследованиями, нашими направлениями деятельности и всем остальным.

Всё, что я описал выше, — лишь пролог к тому, о чем я действительно хочу говорить.

Интернет никогда не станет для меня родной стихией по очень многим причинам. Вот почему я считал своей обязанностью провести встречу с активистами нарождающегося движения не в виртуальной интернет-среде, а в реальности. Я этой встречи и хотел, и боялся. Хотел — потому что надеялся на что-нибудь неординарное, выходящее за рамки обычных политических собраний. Боялся — потому что… Впрочем, нужно ли тут что-то подробно разжёвывать? Каждый, кто когда-нибудь на что-нибудь надеялся, знает, что такое страх оказаться обманутым в своих ожиданиях.

На организованную нами Летнюю школу клуба "Суть времени" собралось около 300 человек. Школа проходила в Хвалынске, на родине Петрова-Водкина (что, на мой взгляд, очень символично). В дышащем на ладан санатории, где на аллеях скульптуры советской эпохи, крашенный серебряной краской памятник Ленину и ветхие опустевшие корпуса, которые бригада добровольцев, приехавшая за неделю до остальных, делала пригодными для жизни. В течение шести августовских дней участники школы слушали лекции, обсуждали свою деятельность, работали над манифестом клуба "Суть времени" и так далее.

Каково мое впечатление от участников этой школы?

Прежде всего хотелось бы предостеречь и себя, и других от безоглядной эйфории. В работе школы участвовали не ангелы, а живые люди. Очень разные по своим мотивам, образовательному цензу, идеологической ориентации. Сделав подобную оговорку, хочу искренне признать, что я был потрясен тем, что увидел.

Я увидел очень много молодых людей, в возрасте в основном от 25 до 35 лет, влюбленных в Советский Союз. Эти люди сильно разнятся по доходам и иным социальным характеристикам. Но все они вместе (а точнее, более 90% собравшихся) представляют собой траву, пробившуюся сквозь асфальт последнего двадцатилетия. Они представляют собой то, чего не должно было быть. Что было не запланировано творцами перестройки и постперестройки.

Это всё та же советская молодежь. В хорошем смысле слова романтичная и идеалистичная. Ищущая, умная. И — беспредельно встревоженная происходящим. Эта молодежь не хочет уезжать ни на Запад, ни на Восток. И она понимает, что нынешняя модель жизни делает нелишними примерно 30 миллионов, обслуживающих "трубу" и обслуживающих тех, кто "трубу" обслуживает. А более 100 миллионов граждан нашей страны эта модель делает лишними.

Молодежь не хочет ни успеха в рамках данной модели, ни статуса лишних людей, лишенных будущего. Она хочет другой модели и даже чего-то большего. Ведь она понимает, что страна в нынешнем ампутированном состоянии лишена масштабной исторической перспективы. А молодежь хочет именно такой перспективы. Причем, перспективы абсолютной: политической, культурной, метафизической, экзистенциальной и так далее.

Подобную перспективу молодежь связывает с новым большим проектом. Точнее, мегапроектом. Молодёжь верит, что Россия способна снова стать мировым лидером, не допустить конца истории, повести мир новым путем к новым целям.

Налицо не розовые сопли по этому поводу. Налицо просыпающееся волевое начало. Молодежь связывает свои ожидания с обновленным советским проектом. Подчеркиваю, качественно обновленным, дающим абсолютно новые ответы на все вызовы современности.

Когда я говорю "молодежь", я имею в виду преобладающее количество "школьников", побывавших в Хвалынске. Там были люди среднего возраста и мои ровесники. Но их было немного. Преобладала молодежь — умная, чистая, устремленная в будущее. И очень в чем-то узнаваемая по прошлой эпохе. Поразительно узнаваемая. Почти мистически узнаваемая. Такой молодежи, повторяю, не должно было быть. Но она собралась, соткалась неизвестно из чего и вопреки всему.

Мои друзья, говоря о возможности для России выйти из нынешней немыслимо тяжелой ситуации, очень часто используют слово "чудо". Оговаривая еще раз, что абсолютных результатов в реальности не бывает, и что любое явление просто не может не обладать массой изъянов, я могу при этом сказать, что увиденное мною сродни чуду.

Это касается всего сразу. Атмосферы. Уровня обсуждений. Предъявленных культурных и интеллектуальных запросов. Предъявленных бытовых норм. Только один пример. Мы, конечно же, собирались объявить "сухой закон". И приготовились к тому, чтобы блюсти его драконовскими методами во избежание превращения серьезного мероприятия в тусовку. Но нам не пришлось его блюсти. Мы даже не успели о нем сказать. Потому что у молодежи не было никакого желания заниматься "литрболом". Она вырвалась на школу, мобилизовав для этого все свои силы и возможности, вовсе не для того, чтобы предаваться тривиальным утехам.

Атмосфера интеллектуального монастыря сложилась сама собой, без всякого участия нас как устроителей данного мероприятия.

Приведу еще один бытовой пример. Школа проходила на Волге, недалеко от Сызрани. А приехать на неё решили люди с очень разных концов страны. Не все из них могли себе позволить нынешние транспортные расходы. И часть участников школы стала добираться своим ходом — на "москвичах" и "жигулях". Откуда? В том числе из Абакана. Представляете себе расстояние?

Это было сделано весело и очень по-деловому. Ребята списались, прикинули, у кого сколько свободных мест, сговорились о маршрутах, и где прихватывать "безлошадных" товарищей, и — двинулись к Хвалынску. Колоннами — на случай помощи в дороге. Вообще, на школе царила присущая традиционно нашей стране и попранная в последнее двадцатилетие атмосфера солидарности, взаимовыручки, человеческой открытости.

И даже чего-то большего. Это особенно ощущалось в момент, когда я дочитал до конца огромный манифест, и собравшиеся стали аплодировать. Я знаю, что такое аплодисменты. Хотя бы как практикующий режиссер с сорокалетним стажем. Да и не только. Но этот момент не имел ничего общего с тем, что я когда-либо в своей жизни видел. И не я один считаю, что это именно так. Так оценивает подавляющее большинство тех, кто присутствовал на зачтении манифеста.

Наиболее верное сухое слово, передающее восприятие нами увиденного, — шок. Кстати, многие "школьники" тоже говорили о шоке. О счастье быть в среде таких же, как ты. Говорить об умных и важных вещах. Дышать одним духовным и душевным метафизическим воздухом.

В последний день устроили концерт. "Школьники" читали стихи, пели песни и рассказывали о себе. Поразительно, что молодые люди, учившиеся в школах тогда, когда в обязательной программе по литературе уже не было Маяковского, читали в основном именно стихи Маяковского.

Услышав, как они это читают, я до конца понял, чем они отличаются от своих предшественников, собиравшихся в Политехническом музее в 60-е годы. Они — патриотичнее и духовно мускулистее тех своих предшественников. Для молодого человека, читающего сегодня стихи о советском паспорте, советский паспорт — это почти метафизический символ. А Маяковский — культовый поэт, позволяющий сказать "нет!" всему тому, что окружает. Сказать "нет!" регрессу, деградации, насаждаемым криминальным нормам, насаждаемому духу стяжательства, духу разобщенности и многому другому.

С чем это можно сравнить и как это осмыслить?

Представьте себе нормальную жизнь. Хорошую, светлую, чистую. Представьте себе такую жизнь, как некую динамическую Систему. И рядом — Антисистему, которая эту жизнь отрицает. Представить всё это нетрудно. Была советская Система, которая, при всех её огрехах, несла в себе и добро, и свет, и чистоту. А главное — высокую социальную и культурную норму. И была Антисистема. Прошу не путать с идеями Гумилева, я о другом. Любая система имеет свое "анти-", свое зеркальное отражение, свою тень, как сказал бы философ и психоаналитик Юнг. Чаще всего такая тень, такое "анти-" носит криминальный характер.

Криминальная Антисистема, криминальная контркультура строятся на отрицании той Системы, которую Антисистема грабит. Отсюда правила Антисистемы. Они основаны на зеркальном отражении правил Системы.

Например, советская Система восхваляла красный цвет. Советская криминальная Антисистема (реальная, воровская) — запрещала носить красное.

Советская Система требовала, чтобы человек работал. Советская криминальная Антисистема требовала, чтобы те, кто в неё входит, не работали. А также не создавали семью и так далее.

Я привожу пример с советской Системой и советской же Антисистемой только потому, что он наиболее понятен.

С этим большинство сталкивалось. В принципе, так устроен любой нормальный социум. Но не наш нынешний. Почему?

Потому что сокрушившая советскую Систему Антисистема не приобрела системных свойств. Она осталась Антисистемой. То есть, теперь она заняла место Системы, но сохраняет не только антисистемный дух, но и все антисистемные свойства.

Она по-прежнему криминальна. По-прежнему культивирует не нормы, а антинормы (не мораль, а разврат, и так далее).

Но что же тогда является уделом тех, кто это отрицает? Если культурной антисистемной нормой (понимаете? – патологией как нормой!) стала, например, уголовная "Мурка", то каково место антагониста "Мурки"? Например, Девятой симфонии Бетховена? Или "Вставай, страна огромная…"? Антисистема, став Системой и не потеряв антисистемных свойств, загоняет нравственность, духовность, трудолюбие, коллективизм и многое другое — в то место, где положено находиться Антисистеме.

Будучи загнанным на эту территорию (что социально неслыханно и ранее обсуждалось лишь в фантастике — например, в произведении Рея Брэдбери "451 градус по Фаренгейту"), коллективистские, патриотичные "бетховенианцы" оглядываются в недоумении и отчаянии: "Почему это мы оказались здесь?"

А потом оторопь проходит. И наступает время осмысления сложившейся коллизии.

Это время наступило. Катакомбы — не пустое слово. И не термин, описывающий бегство от действительности. Катакомбы в современной России — это другое. Это шанс России на преодоление нынешней ситуации, которая, конечно же, является почти безнадежной. Подчеркиваю — почти.

Сергей КУРГИНЯН

В МОСКВЕ под сурдинку снесли соборную мечеть, расположенную по адресу Выползов переулок, д.7, стр. 1, и в 2004 году отметившую своё столетие. Да, снесли по инициативе Духовного управления мусульман Европейской части России (ДУМЕР) и с заявленной целью построить на освободившемся таким образом месте новый грандиозный исламский центр. Как говорится, хозяин барин.

Тем более, что мусульманское население российской столицы растёт не то, что ускоренными, а прямо-таки космическими темпами, и уже недалёк, почти отчётливо виден тот день, когда Москва из города "сорока сороков" православных храмов станет городом мечетей, которые по-английски, кстати, именуются "mosque". А "моск" и "Москва" — не правда ли, очень похожие слова? И если "Второй Рим", Константинополь, стал в своё время мусульманским Стамбулом, то, спрашивается, почему чаша сия должна миновать Рим Третий?

И проблема сноса соборной мечети заключается, на мой взгляд, именно в этом: разрешив и осуществив уничтожение, как ни крути, очередного — вероятно, уже многотысячного по счёту — старинного здания, новые власти столицы в лице мэра Сергея Собянина тем самым не только продолжили "лужковское" разрушение исторической Москвы, но и "дали добро" на то, что традиционный образ московского ислама, выраженный в том числе архитектурными средствами, будет заменен новым, более глобализованным и "агрессивным". Что, видимо, в гораздо большей степени отвечает представлениям действующего мусульманского духовенства столицы о роли и перспективах ислама в современном мире вообще и в современной России в частности.

Построенные еще при Лужкове на деньги олигарха Сулеймана Керимова (того самого, которому принадлежит футбольный клуб "Анжи") буквально "явочным порядком" (то есть без необходимой разрешительной документации — "что позволено Юпитеру, не позволено быку") два 75-метровых минарета, разумеется, "требовали" себе нового здания, постройка которого была невозможной при сохранении старого. Как сообщают средства массовой информации, помимо собственно мечети с куполом высотой 27 метров и молельным залом на пять тысяч человек, в состав комплекса должны, согласно проекту, войти трехуровневый подземный паркинг на 500 машиномест, гостиница, офис совета муфтиев с конференц-залом на 600 мест, представительства региональных мусульманских общин, исламский культурный центр и торговый центр (куда же без него?). "Только бизнес — ничего личного".

В условиях глобального рынка конфессиональные общности всё отчётливее приобретают характер транснациональных корпораций, а транснациональные корпорации — черты конфессиональных общностей. Соответственно, их конкурентная борьба может приобретать черты религиозной войны, и наоборот.

Спрашивается, где же в этой ситуации остаётся ниша для государства? А оно "изображает из себя" институт власти, стоящий НАД конфессиональными общностями и транснациональными корпорациями, а на деле — штампующий сделки и посредничающий, "решающий вопросы" МЕЖДУ ними. Что, собственно, и продемонстрировала самым наглядным образом ситуация со сносом соборной мечети в Москве.

Разумеется, посреднические услуги государства оплачиваются действующими субъектами рынка, в том числе рынка политического и конфессионального. Иногда — очень хорошо оплачиваются. Не сочтите это за намёк на существование каких-то "особых отношений" конкретно между Сергеем Собяниным и Сулейманом Керимовым — речь идёт о роли современного государства в целом и современного российского государства в частности. И о том, что сильное государство в случае необходимости может быть незаменимым посредником. Но государство, позиционирующее себя прежде всего в качестве посредника, не может быть сильным, а потому в его посреднических услугах очень быстро перестают нуждаться.

Георгий СУДОВЦЕВ

Газета «ЗАВТРА» зарегистрирована Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство ПИ № ФС 77-22122 от 24 октября 2005 года.

Учредитель и издатель – ООО «Редакция газеты-еженедельника «Завтра» (119146, г.Москва, Фрунзенская наб., 18-60).

Адрес редакции: 119146, г. Москва, Фрунзенская наб., 18-60.
E-mail: **zavtra@zavtra.ru** ЭЛЕКТРОННАЯ ВЕРСИЯ: **http://zavtra.ru/**
Тел.редакции: (495) 726-54-83. Служба распространения и рекламы: (499) 246-88-52 (т/ф).
Газета отпечатана в ООО Красногорская типография, г. Красногорск, Коммунальный квартал, 2. Общий тираж 100 000

Главный редактор Александр ПРОХАНОВ

Выпускающий редактор — Екатерина ГЛУШИК

Подписано в печать 13.09.2011 г. Заказ № 2420